

Они его за муки полюбили

Выставка Максима Кантора в Третьяковке, проездом

«Пустырь. Атлас» — название выставки и книги Максима Кантора — одно из самых успешных на Западе российских художников. «Офорты, живопись, текст» — подзаголовок выставки, «Карты и текст» — книги. Художник настаивает, что изображение и слово для него одинаково важны, а высказанное ими — его стержень, мужская (читай — гражданская) позиция по отношению к жизни.

Лексеев. — 2001.

Ольга КАБАНОВА

— 29 окт. — с. 8

Выставка в Третьяковке (Инженерный корпус в Лаврушинском) — часть впечатляющего гран-тура выставки Максима Кантора. 16 больших картин, 70 офортов и 100 страниц текста уже увидели в Германии и Португалии, впереди — 12 российских городов, между ними — олять Европа, Канада и Америка. После Британского музея выставка отправится в Томск, после Перми — в Лос-Анджелес, потом в Иваново. Карта выставочного тура, поддержанного Дойче Банком и ЮКОСом, впечатляет. Такое доступно только большому, значительному художнику, живому классику. Максим Кантор, родившийся в Москве в 1957 году, таковым и числится, его творческая карьера абсолютно успешна. Обеспечен личный и профессиональный успех непрерывным признанием — за себя и за Россию.

Кантор давно выбрал свой живописный и графический стиль — тревожное, искаженное пространство, гротескное изображение людей. Части тела и лица развернуты в разных плоскостях, отчего люди кажутся взорванными изнутри, растерзан-

ными собственными страстями. В изображении себя и близких — родителей, брата, любимой — высокими, в изображении других — низменными.

Живопись Кантора иногда бывает красивой, но не в этом ее воздействие, а в чрезвычайной значительности и болезненной серьезности, без которых, по мнению многих, нет настоящего искусства. На мой взгляд, так в излишней многозначительности и чрезмерной серьезности, которая как раз и убивает искусство. Но это частное мнение, а в случае художника Кантора гораздо полезнее попытаться определить причины успеха, чем делиться личными впечатлениями.

Кантора часто сравнивают с немецкими экспрессионистами — нервностью рисунка и красок они действительно похожи. Но сам художник видит свои корни в гениях изображения личного страдания — в Гоёе и Ван Гогее. Именно к классическому гоёевскому циклу «Капричос» отсылает серия офортов Кантора «Пустырь. Атлас». То же содрогание перед мерзостями жизни и людьми-оборотнями. Только офорты Кантора по рисунку больше похожи на злые карикатуры из советского журнала «Крокодил»: те, правда, клейми-

ли исключительно плохих людей, а эти — саму человеческую природу. И даже пятна красного цвета на каждом черно-белом листе могли бы выглядеть облагораживающим декоративным приемом, если бы не представляли собой отблеск адского пламени. Что объяснено в текстах.

Тема Максима Кантора — художника и литератора — судьба России и бесконечная рефлексия по поводу этой судьбы. Россия — брошенный пустырь, варварская окраина европейской цивилизации, с «ватным небом», похожим на больничный халат», где живет «так называемый простой народ», пьющий и ворующий, «ублюдок, беспорядная дворянка, не монгол, не германец — так, кривоногая помесь». Еще на пустыре — России живет интеллигенция, она, понятно, еще хуже простого народа. Не шадит автор и себя, и Любимую — «людей с кривой судьбой и неудавшейся биографией». В общем, все безнадежно исторически запущено, а личная жизнь коротка — хочется счастья и душевного покоя.

Философствования Максима Кантора облечены в эпистолярную форму, в письма Любимой и Другу-немцу. В общем, вспомним Гоголя с его свиными рылами, Чаадаева, не умеющего любить родину с закрытыми глазами, и бесконечные бдения на интеллигентской кухне, когда мысли не распутываются, но бросить рассуждать — гордость не позволяет. Правда, на ум приходит и другое сравнение.

АЛЕКСЕЙ КОНДРАШКИН

Максим Кантор выглядит лучше, чем его герои

Центральное живописное полотно выставки, ее стержень — монументальное «Государство». На черном фоне красной спиралью ужасные рожи тянутся к центру, в центре — ложка. Большой привет художнику Глазнову. Его тоже любили и чтит Россия и Запад. Полюбит ли Россия Кантора, захочет ли узнать себя в таком беспощадно искривленном зеркале — увидим. А за что Запад почитает Кантора, и так понятно. «Пустырь» отлично вписывается в давно знакомую карту мира, где грозная, проклятая, варварская империя зла, заселенная только убогими, зани-

мала когда-то одну шестую часть цивилизованной суши. Такая карта исключает личную ответственность за свою судьбу, все определено местом рождения.

«Почему не получилось просто страдать и любить, почему не получилось прожить вместе простую и ясную жизнь, почему чувства я ставил в зависимость от географии и социального строя? Разве нельзя было иначе? Неужели ничего не поправить?» — завершает Кантор одно из писем. Действительно — почему? Ведь все не так плохо вообще, и лично у художника Кантора, его Любимой и его Друга.